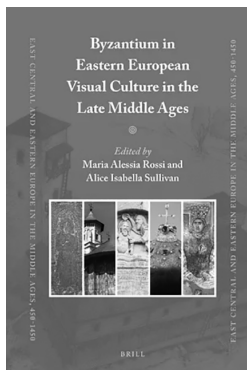

РЕЦЕНЗИИ

BYZANTIUM IN EASTERN EUROPEAN VISUAL CULTURE IN THE LATE MIDDLE AGES

ed. by M. A. Rossi, A. I. Sullivan. Leiden; Boston (Mass.): Brill, 2020. xviii, 302 p. (East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450; Vol. 65)

УДК 27-526.62

DOI: 10.31802/BCAA.2023.8.2.006

Интерес к истории и культуре Византии не ослабевает в науке на протяжении нескольких столетий. Во второй половине XX в. особое внимание ученых привлекали проблемы влияния византийской культуры на европейское искусство, особенно на художественную культуру стран восточной Европы, входящих, по точному определению Дмитрия Оболенского, в «византийское содружество». Представление об одностороннем влиянии Империи на православные государства, находившиеся в орбите ее культурного притяжения, в настоящее время сменилось углубленным изучением взаимодействия национальных культур и византийского центра. Особое значение анализ рецепции византийских традиций приобретает при исследовании культуры позднего средневековья, когда сама Империя перестала существовать. Выражение «Византия после Византии», утвердившееся в науке с середины прошлого века, продолжает наполняться новым смыслом благодаря современным исследованиям изобразительного искусства и архитектуры Балканских стран и России от палеологовского времени до XVIII в. Этой проблематике посвящено издание, являющееся предметом данной рецензии.

65 том исследований East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450. «Byzantium in Eastern European Visual Culture in the Late Middle Ages» состоит из 10 эссе, авторы которых рассматривают памятники архитектуры, монументальной живописи, иконописи, литургической вышивки Болгарии, Сербии, Валахии и Молдавии, а также коронационный ритуал средневековой России в контексте духовных и культурных

связей с Византией. Хронологический охват изучаемых памятников от начала XIV до XVII столетия соответствует историческому периоду наивысшего развития оригинальных восточноевропейских культур, сформировавшихся на почве византийского православия. Структура сборника отражает сложные связи, исторически существовавшие между византийским центром и восточноевропейскими странами в области богословия, литургических обрядов, иконографии, архитектурной традиции, а также в сфере политических контактов. Поэтому разрозненные на первый взгляд главы подчинены логике тематического развития по важнейшим направлениям культурного взаимодействия. Это не всегда совпадает с линейной хронологией, однако прямо соответствует характеру изучаемых явлений и дает глубокое и многогранное представление о взаимосвязи и взаимозависимости славянских культур, Византии и поствизантийского мира.

Глава I (*JustinL. Willson*) посвящена анализу иконографии фрески XIV в. в Хрелевой башне Рильского монастыря в Болгарии «Премудрость созда себе дом», являющейся символической иллюстрацией IX притчи Соломона, и ее связи с богословием. Композиция с юным Христом в центре и расположенными по кругу семью фигурками, символизирующими семь даров святого Духа, отличается от иллюстрации этой притчи в росписи церкви Богоматери Перивлепты в Охриде конца XIII в. Смысл этого изображения, ставшего исключительно популярным в Сербии, позволяют понять сочинения патриарха Филофея Коккина о Премудрости. Однако, оно было создано позже, чем роспись Хрелевой башни. Это наблюдение позволяет автору говорить не о влиянии византийских текстов на иконографию фрески, а об общих идеях, владевших умами византийских и славянских богословов и живописцев этой эпохи, которые приводили к созданию новых визуальных воплощений, трактующих словесные образы Ветхого Завета.

Глава II (*Alexandra Vukovich*) рассматривает особенности торжественного ритуала коронации внука великого князя Ивана III юного Дмитрия, отец которого к этому времени умер. Вопрос об истоках и формах репрезентации власти русской монархии постоянно привлекает внимание исследователей. Русские средневековые книжники начиная с времени Ярослава Мудрого проводят параллели между властителями Руси и царями христианской империи и древнего Израиля, существует также гипотеза о восточном влиянии на формы русского самодержавия, особенно после татаро-монгольского нашествия. Анализ особенностей обряда, зафиксированного в летописи, позволяет по-новому

осветить проблематику отношения Московской Руси к византийскому наследию. Церемония коронации была совершена 4 февраля 1498 г. в московском Успенском соборе, в ходе которой дед возложил на Дмитрия царский венец «шапку Мономаха». Согласно «Сказанию о князьях Владимирских», написанному в XVI в., киевский князь Владимир Мономах получил царский венец от своего деда византийского императора Константина Мономаха. Идея древних родственных связей русских князей с византийским императорским домом имела для окружения Ивана III политическое значение. Сочетание древних узнаваемых артефактов и новых элементов обрядовых действий во время коронации, как показывает автор исследования, позволяет анализировать творческий подход русских церковных деятелей к воспроизведению византийской процедуры коронации с теми новыми формами и образами русского ритуала, которые были призваны визуализировать идеологию нового православного царства.

Глава III (*Elias Petrou*) посвящена изучению нового характера взаимоотношений Сербии и Византии в палеологовскую эпоху, когда впервые между Константинополем и Сербским королевством устанавливаются двусторонние равноправные отношения, проявившиеся и в династических связях и в культурных обменах. Примером, свидетельствующим об этом процессе, является строительство сербским королем Милутином в византийской столице странноприимного дома (*Xenon of the Kral*). Возможно, идея этой благотворительной акции была связана с заключением в 1299 г. брака сорокавосемилетнего сербского государя с пятiletней дочерью императора Андроника II Палеолога Симонидой. Комплекс, располагавшийся в монастыре св. Иоанна Предтечи в районе Влахерн, включал наряду с гостиницей и больницей, обширную библиотеку. Другой пример — перемещение в 1430-е гг. личной библиотеки византийского вельможи Георгия Палеолога Кантакузина в сербский город Смередово, укреплением которого он занимался. Как показывает автор эссе, последнюю эпоху существования Византийской империи характеризуют тесные связи с Сербией, взаимное участие в благотворительной деятельности и интеллектуальные обмены.

Глава IV (*Marija Mihajlovic-Shiplej*) посвящена исследованию иконы апостолов Петра и Павла из сокровищницы Ватикана, загадочное содержание которой проливает свет на сложные политические и межконфессиональные процессы в Сербии конца XIII в. Рассматривая икону как своеобразное дипломатическое послание, автор эссе обращает внимание на изображение св. Николая как латинского епископа, что связано

с почитанием святого в Бари и распространением его культа на Западе. Вместе с тем сыновья королевы Елены, сербские короли Драгутин и Милутин представлены в византийских царских одеяниях. Иконографическая программа иконы свидетельствует о стремлении правителей Сербии этого времени, балансирующих между Востоком и Западом, а точнее самой королевы Елены, унифицировать религиозные традиции, установить паритетные связи с Константинополем и Римом.

Глава V (*Maria Alessia Rossi*) рассматривает особенности цикла евангельских чудес в монументальной живописи Сербии времени короля Милутина. Отмечается усиление литургического значения чудес Христа, изображения которых помещаются не только в наосе, но и в алтаре. Тесная связь сербской королевской власти с автокефальной сербской церковью, представление о святости царской династии проявилось в ряде новых черт, характеризующих иконографические новации в сербском искусстве. Возникают композиции, прославляющие королевскую династию, в традиционных византийских сценах чудес Христа появляются детали, указывающие на события жизни самого короля Милутина, подчеркивающие его тесные связи с византийским императором Андроником II Палеологом. Например, в композиции «Брак в Кане» в церкви монастыря Грачаница евангельская невеста изображена как византийская царевна Симонида, ставшая женой сербского короля, портрет которой находится там же. Включение эпизода с благословением Закхей в контекст чудес исцеления расслабленного у купели Вифседы, исцеления слепорожденного и сцены с Самарянкой (Старо Нагоричино, Грачаница, церковь Никиты близ Чучера), соответствующее сербским литургическим особенностям, также указывает на внимание мастеров короля Милутина к демонстрации его церковной независимости.

Глава VI (*Ida Sinkevic*) посвящена крупнейшему памятнику средневековой Сербии церкви Христа Пантократора монастыря Дечаны (1327–1335, 1347–1348). Огромный фресковый ансамбль, включающий ветхозаветные и новозаветные циклы, иллюстрации Акафиста и менология, портреты королей династии Неманичей (Лоза Неманичей) превосходит по количеству сюжетов все другие храмы Сербии. Величие архитектуры пятинефной базилики и наружный скульптурный декор, в котором использованы западные иконографические схемы, делают этот уникальный храм символом наивысшего расцвета, которого Сербское государство достигло при королях Стефане Дечанском и его сыне Стефане Душане. Детальное изучение исторической обстановки, влияния выдающегося религиозного деятеля архиепископа Данило II, духовных

связей с Афоном, а также анализ архитектурных особенностей и скульптурного декора показывает, как формируется синтез элементов, заимствованных у латинского Запада и византийского Востока, создающий неповторимый облик сербской архитектуры и монументальной живописи.

Глава VII (*Jelena Bogdanovic*). В эссе рассматривается большой комплекс храмов, построенных в XIV–XVI вв. на территории Сербии и Валахии, ктиторами которых выступала местная аристократия. Построенные из камня и плинфы, отличающиеся богатым архитектурным декором фасадов, моравские и валашские храмы, расположенные на территориях, разделенных значительным расстоянием, обладают заметным сходством. Архитектурная типология триконхов, к которой принадлежат изучаемые памятники, пользовалась исключительной популярностью в регионе. Распространение храмов этого типа было связано с культурным и духовным авторитетом зодчества Афона, где сформировалась типология триконхов. Архитектурная форма стала своеобразной демонстрацией приверженности православию, особенно значимой в период, когда Балканы оказались под османской властью. Зодчество Сербии и Валахии является ярким свидетельством интенсивного развития архитектуры поствизантийского времени.

Глава VIII (*Alice Isabella Sullivan*) посвящена искусству Молдавии XVI в., расцвет которого приходится на тяжелый период османского господства. Инициатором строительства и заказчиком росписей монастырских соборных храмов был господарь Молдавского княжества Пётр Рареш, который продолжил церковную политику своего отца Стефана Великого, поддерживая православные монастыри и развивая художественную культуру. Не только военные успехи, но и выдающиеся произведения монументального искусства укрепляли противостояние турецкому господству. Центральным памятником этого времени является кафоликон монастыря Молдовица (1532–1537). Стиль архитектуры триконха с вытянутыми пропорциями, стрельчатыми арками сочетает готические черты и византийские традиции. Стены и своды внутреннего пространства сплошь покрыты многоярусными циклами сюжетов Священного писания и изображениями святых, в целом следуя византийской системе храмовой декорации. Вместе с тем исключительное своеобразие придают молдавским храмам наружные росписи. Также располагаясь регистрами, фрески покрывают все фасады храма. Темы росписей — иллюстрации Акафиста, сцена чудесного спасения Константинополя, иллюстрации Лествицы Иоанна Лествичника,

картина Страшного Суда и грандиозная галерея образов святых на восточном фасаде и ступенчатых контрфорсах, демонстрируют пафос духовной победы и настойчиво провозглашают византийские идеалы.

Глава IX (*Henry David Schilb*). Эссе посвящено изучению иконографии особого вида церковных вышитых пелен «Плащаниц» (*Epitaphios*), выполненных в Молдавии и Валахии в XV–XVII вв. *Epitaphios*, на которых изображено оплакивание Христа, использовались в литургии, участвовали в церемонии Великого Входа и вокруг изображения на пеленах вышиты тексты евхаристических молитв. На примере анализа широкого ряда памятников от византийских вышивок XIV в. до молдавских и валашских произведений XV–XVII вв. показаны глубокие византийские корни этих композиций и выявлены черты своеобразия, которые позволяют атрибутировать вышивки как произведения местных мастерских.

Глава X (*Danijel Cicovic and Iva Jazbec Tomaic*), которой завершается цикл эссе, посвящена изучению выдающегося произведения хорватской церковной вышивки, являющейся лицевой частью алтаря, созданной в 1358 г. по рисунку Паоло Венециано для кафедрального собора Крка (*Veglia*). Подобные шелковые ткани, украшенные вышитыми изображениями Христа, Богоматери и святых типичны для готических алтарей. Рассматриваемая вышивка — еще один яркий пример свидетельства сложных переплетений социально-политических, религиозных и художественных контактов на Адриатике, запечатленного в произведении искусства. Славянский язык богослужения, католический церковный обряд, напряженные отношения Хорватского королевства и Венецианской республики были той средой, в которой существовала эта культура. Тщательное изучение техники вышивки, ее стиля, художественного уровня различных частей, сопоставление с аналогичными предметами, а также глубокий анализ исторических обстоятельств, позволил авторам осветить художественную историю этого региона, а также венецианского искусства и художественной промышленности в XIV в.

Авторы тома решили масштабную научную задачу, показав своеобразие развития художественной культуры Восточной Европы на перекрестке путей Запада и Востока в период позднего Средневековья. В сложных политических условиях после падения Константинополя искусство государств исторически, культурно и религиозно связанных с византийским миром продолжало развиваться, сохраняя традиции великого византийского наследия и формируя собственные художественные черты. Особо следует отметить, что достоинством предпринятого

издания является не только полученные результаты, но и открытие новых направлений исследований в области культуры и искусства поствизантийского мира.

Индексы, богатая библиография и подробные сноски делают том важным пособием по византийскому и поствизантийскому искусству.

Нина Валериевна Квливидзе